

Книжка

Авл Персий Флакк. Сатира I. Перевод с латыни, предисловие и пояснения Григория Стариковского
Мирослав Лаук. Школьные деревья. Перевод с украинского Натальи Бельченко, предисловие Глеба Шульпякова

Тадеуш Ружевиц. В керосиновом свете. Предисловие и перевод с польского Анастасии Векшиной

АВЛ ПЕРСИЙ ФЛАКК

Краткую биографию Персия приписывают грамматiku Валерию Пробу. Авл Персий Флакк (имя пишется на этрусский манер *Aules*) родился в этрусском городе Волатерры в 34 году н. э. Семья Персия принадлежала к всадническому сословию. До двенадцати лет Персий учился в Волатеррах, потом в Риме, у грамматика Реммия Палемона и у ритора Вергиния Флава. Шестнадцатилетний Персий подружился с Аннием Корнутом, философом-стоиком, «так крепко, что нигде с ним не расставался»¹. Дружил поэт и с Цезием Бассом, известным лирическим поэтом. У Корнута Персий знакомится с Аннеем Луканом, своим сверстником, будущим автором эпической поэмы «Фарсалия». Лукан «был в восторге от сочинений Флакка, и на его чтениях едва удерживался от возгласов, что это [сочинения Персия] — истинная поэзия, а его собственные стихи — пустая забава». Персий дружил и с Фрасеем Петой, консулом 56 года, известным своей добродетелью автором книги о Катоне Утическом. Поэт «отличался мягкостью нрава, девической стыдливостью, красивой наружностью и образцовым поведением по отношению к матери, сестре и тетке». Персий умер на двадцать восьмом году жизни (62 год), в своем имении неподалеку от Рима. Книгу сатир оставил незаконченной. Корнут внес в сатиры некоторое количество исправлений и передал ее для издания Цезию Бассу.

Читать Персия начинают вскоре после смерти поэта. Персия ценили Марциал и Квинтилиан. К творчеству римского сатирика обращались Отцы Церкви, Св. Иероним и Блаженный Августин, его цитировали позднеантичные грамматики Порфирион, Элий Донат и Присциан. В Средние века Персия читали Павел Диакон, Абеляр, Иоанн Солсберийский. В Европе с момента изобретения печатного станка и вплоть до начала XIX века «Сатиры» Персия выдержали 378 (!) изданий; книги эти предназначались в основном для ученой публики. Не случайно римский сатирик — частый гость в цитатном ряду Мишеля де Монтеня. В Англии Персию подражали Томас Уайет и Джон Донн. Римский сатирик был любимцем Канта и Гете. Пожалуй, одна из самых известных литературных реминисценций из Персия («Гости ликуют: теперь не из

¹Здесь и далее перевод «Жизнеописания Персия» М. Гаспарова.

тени ли этой заgrabной, / не из холма ли над ним, из блаженного пепла — фиалки / вырастут?») присутствует в шекспировском «Гамлете», в словах Лаэрта на смерть Офелии: «Lay her i' the earth, / And from her fair and unpolluted flesh / May violets spring!»¹. Среди многочисленных переводчиков Персия (полторы дюжины одних только англофонских переводов за последние 300 лет) — великий Джон Драйден (XVII в.) и почти что наш современник американский поэт Уильям Мервин.

В 1605 году швейцарский филолог Исаак Казобон подготовил и откомментировал издание Персия. В своих комментариях Казобон выявил огромное количество явных и скрытых цитат из Горация. Гораций не единственный поэт, к которому обращается Персий. Комментаторы (схолии к «Сатирам» Персия, Коннингтон, Харви и др.) указывают на реминисценции из Луцилия, основоположника жанра римской сатиры, а также из Энния, Вергилия, Проперция и др. И все же цитатное лидерство остается за Горацием. Интенсивность аллюзий к стихам Горация достигает предельного градуса: отзвуки Горация встречаются повсеместно. Жанр римской сатиры предполагает повышенную аллюзивность: к примеру, Гораций в своих сатирах не только высмеивает пороки, но и выстраивает сложную систему взаимоотношений как с литературными современниками, так и с предшественниками. Вспомним, как Гораций подсмеивается над Луцилием в своей программной сатире: «Вот в чем его был порок. — Он считал за великое дело / Двести стихов просказать, на одной на ноге простоявши» (пер. М. Дмитрева). Ювенал (первая половина II века н. э.), обращаясь к своим предтечам, не забывает о Горации и Персии: в конце первой сатиры² Ювенал перелагает пассаж из третьей сатиры Персия³, как бы редактируя стиль предшественника.

¹Уложите ее в землю. Пусть из чистой, неоскверненной плоти взойдут фиалки.

²«Впрочем, возмездье придет, когда ты снимаешь одежду, / Пузо набив, или в баню идешь, объевшись павлином: / Без завещания старость отсюда, внезапные смерти, / И — для любого обеда совсем не печальная повесть — / Тело несут среди мрачных друзей и на радость народу» (пер. Д. Недовича).

³«Плещется в бане. От яств раздулось белое брюхо, / глоткой на выдохе вяло идет вредоносная сера, / но за вином пробивает озноб, и горячую чашу / выбило вдруг из руки, и скрежещут зубы в оскале, / жирный кусок изо рта выпадает, губа приобвисла. / Свечи, труба... наконец, блаженный на ложе высоко / он возлежит — обмазанный властью вонючею дрянью, / пятки застывшие тянет к дверям, и вчерашняя челядь, / ныне — квириты, шапки надев, мертвеца поднимают».

Каждый последующий поэт-сатирик принимает эстафету у предыдущего — таков один из основных принципов жанровой преемственности римской сатиры. Персий следует этому принципу: отсюда множество скрытых и явных цитат из Горация. Тем не менее Гораций едва ли *слышим* в стихах Персия. Один американский филолог называет такую аллюзивность «деструктивной имитацией». Персий, кивая в сторону своего предшественника, изменяет стилистику сатиры. «Сатиры» Горация выдержаны в разговорном стиле (отсюда и их название «*Sermones*» — «разговоры», «беседы»); почти всегда они имеют прозрачный умысел. Гораций никуда не спешит: он «говорит правду с улыбкой», говорит неторопливо, подсмеиваясь над собой и над окружающими. Персий преобразует поэтическое вещество сатиры. «Повествовательная логика [сатир Персия] сжата, искривлена, скрючена», — резюмирует исследователь. Конте пишет о «макабрическом барокко» Персия. В сатирах Персия мы сталкиваемся с метафорической вязкостью, с трудными, порой невразумительными синтаксическими построениями. Не случайно Ювенал, «цитируя» Персия¹, упрощает синтаксис своего предшественника, делает Персия удобочитаемым.

Освобождаясь от размеренной ироничности Горация, Персий привносит в римскую сатиру новое, учащенное, порой сбивчивое, дыхание. Изысканно-брутальный поэт легко вовлекает читателя в зону действия своих сатир. Когда он пишет о манерных, высокопарных виршах, с которыми не справится ни один чтец, ни одна дышалка, он имеет в виду не только автора-декламатора, но и аудиторию «изнеженного поэта», и читателя сатиры, который становится частью аудитории: читатель тоже должен напрягать одновременно слух и дыхание, чтобы уследить за стиховой аритмией. То, что претерпевает слушатель в первой сатире, претерпевает, по ассоциативной связи, и ее читатель: «Ты бы увидел стыд потерявших Титов саженных, / сиплоголосых — они вострепещут, когда эти песни / в задницу влезут, проход щекоча свербящею строчкой». Читатель как бы становится жертвой художественного «изнасилования» горе-поэтом, чью декламацию американский исследователь сравнивает со «словесным развратом». Жесткие, порой на грани садизма, метафо-

¹См. выше.

ры, подливают масла в огонь («Нынче одних **приковал** вакхический Аттий венозной / книгой... »; «Толку-то что **расцарапывать** нежные уши колючей / правдой?»). Аудиальные образы находятся в тесной связи с тактильными, иногда гротескно-тактильными. Не случайно «правда [сатир Персия] **расцарапывает** нежные уши [читателя-слушателя]». Или вот такой брутальный образ из четвертой сатиры: «Пятеро банщиков пусть попытаются **выщипать** поросль, / и **раскурочить** вспотевшее гузно кривыми щипцами, / но на рассаду твою даже плут не найдет укорота».

За исключением Макрина, Аннея Корнута и Цезия Басса (к последним двум обращены соответственно пятая и шестая сатиры, выполненные в духе «Посланий» Горация), Персий почти не называет ни одного из своих современников по имени. Исследователи до сих пор спорят, на кого нападает римский сатирик, когда пишет об ослиных ушах Мидаса в первой сатире (согласно схолиасту, после смерти Персия Корнут якобы поменял «У царя Мидаса ослиные уши» на «Кто без ослиных ушей?»)¹. Иные считают, что это — скрытая аллюзия на правление Нерона, любившего выступать на публике. Персий предпочитает не говорить о современниках напрямую. Он избирает своей мишенью образы собирательные: в первой сатире речь идет о модном поветрии сочинять и декламировать высокопарные вирши; во второй сатире Персий высмеивает лицемерных святош; в третьей обличается ленивый ученик, не желающий заниматься философией; четвертая сатира отсылает к платоновскому диалогу «Алкивиад»; пятая сатира призывает заниматься философией; в шестой сатире Персий нападает на жадного наследника. Кроме образов собирательных, таких как Дама и Дав (последний вообще литературный персонаж, см. комментарий), в «Сатирах» упомянуты лица давнего и не столь давнего прошлого (Бафилл — исполнитель мимов времен Октавиана Августа; Мазурий — юрист эпохи Тиберия; император Калигула и Цезония).

Персий бичует нравы, но не конкретных лиц. Обилие скрытых и явных цитат привносит в сатиры элементы литературной игры, затеянной, казалось бы, ради самой игры. Однако не ради одних игровых маневров замыслены сатиры. Здесь Персий выступает не только

¹Гриффин и Харви справедливо замечают, что риторический вопрос гораздо лучше укладывается в канву первой сатиры, чем прямое обвинение.

в роли поэта, обновляющего жанр сатиры, но и в роли проповедника стоической морали. Напомним, что римские сатирики — от Луцилия до Ювенала — охотно высмеивали философов, в том числе стоических. У Персия философ-стоик — отнюдь не мишень для сатирических эскапад; наоборот, стоик является носителем мудрости. Неулыбчивый Персий, выпестованный Корнутом, вводит в свои стихи стоическую этику римского образца, в духе Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия (Bartsch, там же). Согласно Персию и другим стоикам, человеческое тело — всего лишь «испорченное вместилище разума». У всех этих самовлюбленных чтецов, жадных наследников, святош-лицемеров тела — дряблые, оплывшие. Жирные, дорогие блюда, которые они поглощают, свидетельствуют о моральном упадке: Персий делает все, чтобы внушить читателю отвращение к этим персонажам. Наоборот, стоик, смиряющий свой аппетит, бледен от занятий философией и чуток к наставлениям мудрецов. Вот как Персий обращается к своему учителю, стоику Корнуту в пятой сатире: «Ты же отраду нашел — бледнеть над полночной книгой; / слух очищаешь юнцов, чтобы зерна Клеанта засеять / в чуткие уши — здесь и найдете, мальчишки и старцы, / четкую цель для ума, сбережения к старости горькой».

В сборнике каждая сатира содержит определенный этический посыл. В первой сатире это — чувство меры; во второй Персий высмеивает святош-лицемеров, настаивает на сохранении душевной чистоты («Есть неизменные право и долг, священные ниши / разума — честный порыв, достойный чистого сердца...»); в третьей, кроме прочего, Персий призывает к постижению мира и человеческой природы («кто ты такой в человеческом роде, где твое место?»); в четвертой поднимается тема независимости человека от мнения посторонних; здесь же Персий-Сократ побуждает Алкивиада-читателя к самопознанию («Что ж ровным счетом никто не желает в себя погрузиться?»); в пятой сатире, посвященной стоику Корнуту, Персий призывает к серьезным занятиям философией и рассуждает о внутренней свободе; шестая сатира — призыв к человеколюбию.

Сенека, современник Персия, в «Письмах к Луцилию» говорит о непосредственной связи между ораторским стилем (речь у Сенеки идет не только о манере произнесения речей, но и об их отделке) и господствующими в государстве нравами: «...если у каждого ора-

тора манера говорить похожа на него самого, то и господствующий род красноречия иногда подражает общим нравам. Если порядок в государстве распатан, если граждане предались удовольствиям, то свидетельством общей страсти к ним будет распушенность речи, коль скоро она присуща не одному-двум ораторам, а всеми принята и одобрена». Персий связывает стилистическое кривляние декламаторов, их одеяние и внешность, с нравственным упадком. Иначе говоря, поэтический стиль и манера декламации тождественны соблюдению этических норм.

В пятой сатире Персий обыгрывает одну из важнейших тем римского стоицизма, тему внутренней свободы: «Разве лишь тот господин, кто на волю отпустит vindиктой? / “Мальчик, ступай и доставь скребницу в баню Криспина!”, — / рывкнут когда, — “Побыстрой, пустослов!”, угрюмое рабство / с толку тебя не собьет, и все, что творится снаружи, / жилы не треплет твои». Именно к этому стремится стоик — достигнуть состояния полнейшей внутренней свободы, быть независимым от внешних условий. В «Прологе» Персий говорит о своем аутсайдерстве («Пролог» 6: *ipse semipaganus* = «я сам полудикарь»). Но не только в «Прологе» Персий отрицает факт собственной принадлежности литературным салонам современности; в других сатирах поэт также выступает с позиций литературного аутсайдерства. Есть в такой позиции и стоический посыл: настоящий мудрец-стоик не нуждается в одобрении общества, так как он полностью независим от внешних факторов.

* * *

Вопрос об антинероновской направленности сатир Персия до сих пор остается открытым. И все же можно предположить, что поэт недолго любил принцепса. Друзья и учителя Персия относились к Нерону в лучшем случае настороженно. В 65 году преподаватель риторики Вергиний Флав был сослан Нероном вместе со стоиком Музонием Руфом: «Вергиний Флава и Музония Руфа обрекла на изгнание их известность: Вергиний привлек к себе расположение молодежи своим красноречием, Музоний — наставлениями в философии».¹ Согласно Диону Кассию, стоик Анней Корнут был изгнан из Рима в 65 году, когда раскритиковал очередной проект Нерона: тот задумал написать

¹Пер. А. Бобовича.

многокнижную (400!) эпическую поэму, охватывающую всю историю Рима. Корнут скептически отнесся к этому предприятию, сказав, что такое огромное количество книг никто не будет читать. Когда же Корнута указали на сотни книг Хризиппа, греческого стоика, философ ответил, что от книг Хризиппа есть ощутимая польза. Нерон этого ему не простил. Стоик Тразея Пет, с которым дружил Персий, покончил жизнь самоубийством в 66 году. Лукан, автор «Фарсалии», поплатился жизнью за участие в заговоре Пизона.

Схолиаст упоминает несколько аллюзий на творчество Нерона в первой сатире Персия. По слову комментатора, концовка 91-й строки «Аттис-фригиец» является цитатой из стихов Нерона. Точно так же в 99-й строке («Гудом рога преисполнены дикие мималлонейским») Персий цитирует напыщенные стихи принцепса. Схолиаст так и пишет: «hi versus Neronis sunt» («это — стихи Нерона»). Возможно, что в образе фиглярствующего чтеца из все той же первой сатиры (пусть даже этот образ — собирательный) Персий высмеивает самовлюбленного Нерона. Принцепс, как известно, охотно декламировал, даже исполнял женские трагические роли, например, роль Ниобы. Дион Кассий упоминает исполненных Нероном «Вакханок» и «Аттиса». Вот что пишет Светоний о пристрастии Нерона к публичным выступлениям: «Ему понравились мерные рукоплескания александрийцев, которых много приехало в Неаполь с последним подвозом, и он вызвал из Александрии еще больше гостей; не довольствуясь этим, он сам отобрал юношей всаднического сословия и пять с лишним тысяч молодых из престолярства, разделил их на отряды и велел выучиться рукоплесканиям разного рода...» (пер. М. Гаспарова). В первой сатире Персия можно уловить намек на главного чтеца империи: «Кто-нибудь, скажем, в плащ завернется фиалково-синий, / голосом гнусеньким в нос словесную гниль прогунявит, / про Гипсипил и Филлид пробубнит, вития, распустит / сопли, мыча и коверкая речь изнеженным небом».

Выставленная напоказ «творческая» жизнь императора Нерона и литература, созданная в период принципата, взаимосвязаны, я бы даже сказал, взаимозависимы. Можно говорить о стилистической, эстетической общности между наиболее значимыми литераторами той эпохи, включая самого принцепса. Трималхион, выведенный

Петронием в «Сатириконе», умерший император Клавдий, высмеянный Сенекой в «Отыквлении божественного Клавдия», смесь импрессионизма и страстного барокко в гениальной поэме Лукана «Фарсалия», головокружительные образы, созданные Персием, наконец, манерность самого Нерона, вся жизнь которого похожа на непрерывную театральную постановку (одно убийство Агриппины чего стоит!), — все эти образы и персонажи, литературные и исторические, тождественны друг другу. Почти у каждого автора текст «усиливается» за счет обилия гротескных образов (ср. образ Трималхиона, описание гражданской войны в «Фарсалии» Лукана (первые строки: «Власть преступленья пою и могучий народ, растерзавший / Победоносной рукой свои же кровавые недра», пер. Л. Остроумова)), за счет необычных, зачастую развернутых сравнений или метафор («Найдется ли тот, кто не ищет заслуги — словом остаться во рту, кедрового масла достойной?» Персий, «Сатиры»). Для автора эпохи Нерона одна из основных целей — удивить читателя, завоевать его внимание, и читатель, как мотылек в фонарном луче, почти сразу оказывается в зоне влияния текста.

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

АВЛ ПЕРСИЙ ФЛАКК. САТИРА I

ПРОЛОГ

Я губ своих в ручье не омывал конском,
не помню, чтоб хоть раз заснул на двуглавом
Парнасе и — тотчас как есть поэт вышел.
Сестриц-Геликонид, Пирены ток бледный
оставлю тем, чьи изваянья плющ лижет,
цепляясь: я, полудикарь, стихи эти
к священным рубежам певцов теперь вынес.
Из попугая кто там вытянул «здравствуй!»,
сороку научил твердить слова наши?
Дарящий годность, он же — всех искусств ментор,
живот, запретным голосам горазд вторить.
Но высверкнет лукавый шанс нажать денег,
сорока-стихоплетка, стихоплет-ворон
Пегасов — верь мне! — выплеснут нектар певчий.

САТИРА I

О, суетливость людей! О, сколько в делах пустяковства!
«Кто это станет читать?» — Со мной говоришь? Да не будут...
— «Что ты!?» — Ну, два или три... — «Позорно и жалко!»
— Неужто?

Вместо тебя Лабеон если по сердцу Полидаманту
или троянкам? Вздор! Когда неустойчивы чаши
бурного Рима, пойдешь да и выбранишь гнусную стрелку
римских неверных весов, никого не спросив о подмоге.
В Риме ведь кто не... сказать если б вправе... но право имею
так говорить, потому что седины и жалкую видел
жизнь, что все мы влачим, наигравшись орехами в детстве.
Строгостью пахнем дядьев. Простите меня... — «Не желаю.
Что же мне делать?» — Смеюсь, бесстыдна моя селезенка.
Заперлись, пишем стихи или прозу, кому что придется,

стилем возвышенным — так, что стеснит даже мощные бронхи.
Это на публику все: прилизан, в новенькой белой
тоге, на палец надел сардоникс, рождения камень,
будешь с платформы читать, прочистив подвижную глотку
клетотом влажным и неженкой взгляд опускать истомленный.
Ты бы увидел стыд потерявших Титов саженных,
сиплоголосых — они вострепещут, когда эти песни
в задницу влезут, проход щекоча свербящею строчкой.
Ты для чужих ушей, старикашка, харчи припасашь;
лучше бы «хватит» сказал, захирев от подагры с водянкой.
Есть ли в учении толк, если семя смоковниц, с рожденья
данное нам, не взойдет на дрожжах сквозь рваную печень?
Вот она, блеклость седин! О, нравы! Так значит, ничтожен
разум, если другой о твоём разуменьи не знает?
— «Славно, когда на тебя покажут пальцем «Вот этот!»
Или, считаешь, пустяк быть предметом диктанта кудрявых
мальчиков?» — Ромула ветвь, накушавшись, в пору попойки,
видишь ли, только и ждет глаголанья виршей высоких.
Кто-нибудь, скажем, в плащ завернется фиалково-синий,
голосом гнусненьким в нос словесную гниль прогунявит,
про Гипсипил и Филлид пробубнит, вития, распустит
сопли, мыча и коверкая речь изнеженным небом.
Мужи согласны: блажен отныне пепел поэта,
памятник легкий на прах усопшего давит негрузно.
Гости ликуют: теперь не из тени ли этой загробной,
не из холма ли над ним, из счастливого пепла — фиалки
вырастут? — «Ты, — говорит, — смеешься и свой крючковатый
нос задираешь. Найдется ли тот, кто не ищет заслуги —
словом остаться во рту, кедрового масла достойной
песнью, которой макрель не страшна и душистые смолы?»
— Кто бы ты ни был, я сам тебя создал, чтоб ты мне перечил:
если изрядное что напишу, бояться ли надо
(пусть это — редкостный взлет, но если изрядное все же)
быть вознесенным, ведь нет у меня роговой оболочки?
Я отрицаю, что цель или край того, что разумно —
«мило», «прекрасно» твое... повытряси это «прекрасно».
Здесь все, что хочешь, найдешь. «Илиада» Аттия, видишь,
от чемерицы пьяна. Стишата диктует сановник

от несварения, словом, все то, что кропают на ложе
туевом. Вымя умеешь подать еще теплым свиное
или потертым плащом одарить продрогшего гостя.
— «Правду, — кричишь, — обо мне, пожалуйста, правду скажите!»
— Скажут ли? Хочешь — скажу? Несешь ахинею, плешивый,
на две стопы выдается отвислое, жирное брюхо.
«Аиста клюв» не вонзят двуликому Янусу в спину,
гибкой рукой за спиной не состроят «ослиные уши»,
и не покажут язык, как собака в Апулии знойной.
Патрицианская кровь, которой безглазый затылок
должно иметь, повернись навстречу заспанным насмешкам.
— Что там молва говорит? — «Говорит, что теперь, наконец-то,
песни — столь нежно текут, что придиричивый ноготь не сможет
шов различить: теперь научились вытягивать строки,
как бы по красным шнурам, руководствуясь верным прищуром.
Нравы иль роскошь ругни, или царские трапезы даже,
Муза поэту всегда предоставит высокие темы».
— Вот, героический дух привносить научились, гляди-ка,
греческий вздор городить, а сами-то, бездари, рощу
сможем ли запечатлеть, прославить обилье деревни:
короб, свинарник, очаг, солому дымных Палилий.
Рем здесь родился и ты, истиривший лемех в бороздах,
Квинкий, дрожащей женой облаченный диктатором рядом
с упряжью; ликтор уносит твой плут. Прекрасно, вития!
Нынче одних удержал вакхический Акий венозной
книгой, Пакувий — других бородавкой прельстил Антиопы,
чье *горемычное сердце лежит на подпорах несчастья*.
Видел бы ты, как отец сумасбродный, с гноящимся взором,
сыну вправляет мозги, догадался бы сразу, откуда
каша в гортани чтецов и позор легкозадых франтишек,
перед тобой на скамье егозящих и скачущих рьяно.
Стыдно седой голове не найти от обид отворота,
чтоб без похвал обойтись, тепловатого «это — недурно».
— «Педий украл!» — А в ответ? Обвинение он перевесил
лоском своих антитез, хвалим за ученые тропы.
— «Мило». — Неужто? Зачем же ты бедрами, Ромул, виляешь?
Я ли взволнуюсь? Отдам ли полушку, когда запеваешь
тот, чей разбился корабль: брусок, где ты нарисован,

с песней таскай на плечах... воистину, ночью не станешь плакать над тем, что меня назавтра разжалобит будто.

— «Вирши, незрелые встарь, теперь — ритмичны, приятны, так закругляем строку — научились: «Аттис фригиец!», или «дельфин, что рассек лиловые недра Нереея», или «ребро извлекли из разверстого Апенинна».

«Битвы и мужа» — пены полно, как будто припухла старенькой ветки кора, исчахнув на пробковом древе».

— Что же тогда понежней почитать, головушкой дрогнув? «Гудом рога преисполнены дикие мималлонейским, гордую рвет на бегу Бассарида голову бычьью, вот и Менада, с плющом преследует рысь, умножая крик «Эвэз», на крик отвечает эхо, воскреснув».

— Если бы силу отцов сохранили тестикулы наши, кто бы вот так сочинял? Обильной слюною исходит этот несчастный кастрат. Менада и Аттис промокли. Он не мутузит пюпитр кулаком и ногтей не сгрызает.

— «Толку-то что заскоблить деликатные уши колючей правдой? Смотри, чтоб к тебе невзначай пороги патронов не охладели, — там рык ноздревой, как буква собачья».

— Что до меня, пусть весь свет отбелится. Славно! Без лишних слов, до единого все восхищения будьте достойны! Нравится так? Говоришь: «Запрещаю здесь испражняться». Две нарисуешь змеи: «Отливать не позволю, мальчишки, в месте святом». Ухожу. Луцилий выбралил город, Муция с Лупом, и зубы себе обломал через это.

Всяких изъянов касается Флакк, приятельски шутит, вот он близ сердца чудит, в грудную допущенный клетку. Ловко поддел он народ своим отсморкавшимся носом.

Мне — даже пикнуть нельзя? Тайком или в ямку? — «Никоим образом!» — Вырою все ж — я видел, книжечка, видел! *Кто без ослиных ушей?* Сокрыта, закопана тайна.

Этот мой смех, пусть он — ноль, ни за что не отдам за Гомера. Храбрый Кратин тебя вдохновляет, кто бы ты ни был, над Евполидом корпишь гневливым и старцем могучим, это прочти и услышь, быть может, нечто погуще.

Пусть воспылает ко мне читатель с прочищенным слухом, только не этот подлец, что смеется над обувью греков,

или в лицо говорит одноглазому: «Эй, одноглазый!»,
провинциальный эдил, чванливая честь италийцев,
дескать, в Арретии он разбивал неверные меры.
Только не тот, кто горазд над счетной доской потешаться,
или высмеивать очерк фигур на песке, веселиться,
если у киника бороду рвет развязная шлюха.
этим — эдикт по утрам, по полудни отдам «Каллирою».

Перевод с латыни
Григория СТАРИКОВСКОГО

Примечания

ПРОЛОГ

1. *в ручье конском*. Имеется в виду Гишпокрена, источник, забивший, согласно мифу, от удара копытом крылатого коня Пегаса. Считался источником вдохновения.

4. *Геликониды*. Музы. *Пирена*. Источник в Коринфе, ассоциировался с Музами.

14. *Пегас*. Крылатый конь, рожденный горгоной Медузой от Посейдона.

САТИРА I

2. *Кто это станет читать?* Согласно схоластику, цитата из Луцилия, основоположника жанра римской сатиры.

4. *Лабеон*. Эпический поэт Аттий Лабеон, который перевел «Илиаду» на латынь.

4-5. *Полидамант и троянки*. Отсылка к «Илиаде»: «Первый Полидамас на меня укоризны положит»; «О! стыжуся троян и троянок длинноодежных» (пер. Н. Гнедича).

30. *Ромула отрасль*. Заимствование из эпической поэзии. Ср. Вергилий, «Энеида». В римской сатире подобные заимствования носят пародийный характер.

32. *плащ фиалково-синий*. Признак изнеженности.
34. *про Гипсипил и Филлид*. Уничжительно во мн. числе. От имени Филлиды и Гипсипилы написаны, соответственно, вторая и шестая «Героиды» Овидия.
36. *Мужи согласны*. Снова пародийная отсылка к эпической поэзии.
42. *Кедровое масло*. Употреблялось в античности как средство, предохраняющее от порчи.
43. *песню, которой макрель не страшна и душистые смолы*. Т.е. стихи не станут оберткой для рыбы и благовонных смол.
49. «*мило*», «*прекрасно*» *твое*. Отсылка к «Науке поэзии» Горация: «Если кого ты дарил иль подарок кому обещаешь, / Слушать свои сочиненье его не зови: будь уверен, / Что он в радости сердца всегда закричит: «Бесподобно!» (здесь и далее пер. М.Дмитриева).
50. «*Илиада*» *Аттия*. См. выше.
- 58-59. *Аистов клюв; ослиные уши*. Насмешливые жесты.
61. *Патрицианская кровь*. Аллюзия к «Науке поэзии» Горация (292): «Вы, о Помпилия кровь...».
64. *придирчивый ноготь*. Ср. Гораций, «Наука поэзии»: «Не хвалите поэмы, покуда, / Десять раз исправляя ее и долгое время, / Автор до самых ногтей не довел ее совершенства».
72. *Палилия*. Празднество в честь Палесы (Палес), древнеримской богини скотоводства. Отмечалось 21 апреля, в день основания Рима.
74. *Квинций*. Луций Квинций Цинциннат — герой ранней Римской республики, образец гражданской добродетели. См. Тит Ливий, «История».
76. *Акций*. Луций Акций — римский поэт II в. до н.э., автор трагедии «Вакханки».
77. *Пакувий*. Марк Пакувий — римский поэт-трагик II в. до н.э., автор трагедии «Антиопа». *Бородавка Антиопы* — намек на тяжеловесность стиля трагедий Пакувия.
85. *Педий*. Юрист, упоминается в «Сатирах» Горация (1.10.28).
89. *брусок, где ты нарисован*. Т.е. изображение потерпевшего крушение морехода.
93. *Аттис фригиец*. Жрец богини Кибелы, персонаж поэмы Катутлла.
94. *Нерей*. Здесь метонимия моря.
96. «*Битвы и мужа*» (лат. *arma virumque*). Начальные слова «Энеиды» Вергилия.

99. *Гудом мималлонейским*. Т.е. вакхическим. Мималлон — одно из имен Вакха.

100. *Бассарида*. Т.е. вакханка. Бассарейский — прозвище Вакха.

109. *буква собачья*. Латинская буква «г» воспроизводит рычание собаки.

113. *Две нарисуеть змеи*. Изображение змей устанавливали рядом с местами, посвященными богам, во избежание осквернения.

114. *Луцилий*. Гай Луцилий (II в. до н.э.) — римский поэт-сатирик, создатель жанра римской сатиры.

115. *Муция с Лупом*. Публий Муций Сцевола, консул 133 г. до н.э. либо Квинт Муций Сцевола Авгур, претор 120 г. до н.э.; Луций Корнелий Лентул Луп, консул 156 г. до н.э.

116. *Флакк*. Квинт Гораций Флакк, к «Сатирам» и «Посланиям» которого Персий постоянно обращается.

118. *отсморкавшимся носом*. Отсылка к «Сатирам» Горация (1.4.8), где «высморкавшийся нос» символизирует тонкое чутье сатирика.

121. *Кто без ослиных ушей?* Отсылка к мифу о фригийском царе Мидасе, который судил музыкальное состязание между Паном и Аполлоном. Мидас присудил победу Пану, за что Аполлон превратил уши Мидаса в ослиные. О превращении, кроме самого царя, знал его раб. Последний вырыл ямку и нашептал в нее секрет Мидаса. На месте ямки вырос тростник, который, раскачиваясь на ветру, повторял, что у царя Мидаса ослиные уши.

123-24. *Кратин*. *Евполид*. *Старец могучий* (Аристофан). Аттические комедиографы V в. до н.э. Троица комедиографов упоминаются и у Горация в программной сатире.

129. *провинциальный эдил*. Магистрат, отвечавший, кроме прочего, за меры весов.

130. *Арретия*. Совр. Ареццо.

134. *«Каллироя»*. По-видимому, название поэмы на мифологическую тему, одну из тех, которые Персий высмеивает в начале сатиры.